

ГЕННАДИЙ АЙГИ

Провинция живых

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6
А36

Составление и комментарии А. Мирзаева

Предисловие М. Айзенберга

Айги Г.

А36 Провинция живых : [стихотворения] / Геннадий Айги ; [сост., коммент. А. Мирзаева, предисл. М. Айзенберга]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 303 с. — (Серия «Часть речи»).

ISBN 978-5-517-02204-2

Несмотря на многочисленные и очень значительные российские и международные награды (Народный поэт Чувашской Республики; лауреат премии им. Б. Пастернака, им. А. Белого, им. Ф. Петрарки; Командор Ордена Искусств и Литературы (Франция) и многих других), на книги, изданные в разных странах мира и переведенные более чем на 50 языков, на два Собрания сочинений, вышедшие в России 11 лет назад, несколько номинаций на Нобелевскую премию — несмотря на все это, Геннадий Николаевич Айги (1934–2006) продолжает оставаться поэтом, которого в своем отечестве знают многие, но мало кто сумел его по-настоящему прочесть. Нередко приходится слышать, что его творчество слишком сложно и герметично. Книга «Провинция живых», комментированное издание избранных текстов поэта, призвана рассеять эти предубеждения и доказать, что стихотворения Г. Н. Айги не сложнее самой жизни, то ужасающе сложной, то возвышающее простой.

УДК 82-1
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Айги Г. Н., наследники, 2020
© Мирзаев А. М., составление,
комментарии, 2020
© Айзенберг М. Н., предисловие, 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ISBN 978-5-517-02204-2

Представлять Геннадия Айги — поэта, известного во всем мире и едва ли не самого переводимого из пишущих на русском языке, — задача, казалось бы, весьма неблагодарная. Всякий любитель — а тем более знаток — поэзии если не читал его стихи, то уж слышал о нем наверняка. Но вот смог ли набраться смелости и *нарушить границы* этой совершенно особым образом устроенной поэтической вселенной, понять ее законы, пройти по дорогам и тропам, проложенным ее создателем?..

Настоящий том построен таким образом, чтобы дать возможность читателю — и хорошо знакомому с поэтическими творениями Айги, и сталкивающемуся с ними впервые — войти в оригинальную и своеобразную систему его *звукомыслей* и *звукообразов*. Этой задаче служат и замечательное эссе известного московского поэта Михаила Айзенберга, и стихотворения Геннадия Николаевича. Тексты, составившие книгу, складываются, как нам видится, в некую триаду: сначала идут стихи, условно говоря, простые, конца 1950-х — начала 1960-х годов; затем — восходящие к «высокой сложности» (впрочем, умеющим *слышать* и *слушать* они не кажутся такими уж непроницаемыми и герметичными); в последней части «Провинции живых» наблюдается возврат к «немыслимой простоте»: минималистические циклы «Лето с ангелами», «Что забредает в сломанную флейту», «Ветер по травам» и «Лето с Прантлем».

В самом конце помещен раздел комментариев (комментированных изданий поэзии Г. Н. Айги практически не существует, исключение — небольшой томик его стихотворений, дополненный некоторыми эссе и статьями (М.: Радуга, 2008)). Они не то чтобы представляют собой попытку объяснить стихи поэта его же прозой (выдержками из эссе, статей и бесед самого Айги), но, прежде всего, призваны дать этой книге некоторый дополнительный объем и помочь всем «времякопам в толпе нехотяев» — понять или хотя бы приблизиться к осознанию того, насколько многообразной, прозрачной, многосторонней и глубокой может быть настоящая поэзия, когда она является абсолютно свободной.

За особые заслуги

Надеюсь, никому уже не надо рассказывать о том, кем был Геннадий Николаевич Айги, о подлинном масштабе его стихового высказывания.

Айги был актуальным автором пятьдесят лет назад, остается им и сейчас, после своей смерти. Не теряет актуальности его поэтический язык: всегда, в каждом стихотворении словно пойманный в движении — в становлении понятий. Стихи Айги состоят как будто не из слов, а из пауз. Даже не из ряда пауз, — каждая вещь в целом есть одна невероятно напряжённая пауза, из которой вот-вот возникнет главное, самое необходимое слово. Это состояние речи, в сущности, *до-языковое*. Слова вызывают к до-словесному опыту, — к мышлению, еще не ставшему речью.

Поэтому так трудно писать и даже говорить об Айги: он требует не критического, а художественного описания, как требует его какой-нибудь пейзаж.

«Мы живем, под собою не чуя страны», но Айги-то как раз чуял.

Не «улица корчится безъязыкая», а лежит вокруг огромное некое пространство. Территория. Не освоенная языком целина.

Лучшие вещи Айги — это какой-то голос бессловесности. Голос пространства, — голос немой протяженности. Одушевление природных сил. Как будто человек говорит от имени или вместо темной воды; талого снега; мокрой земли.

Айги с годами не отдавал, а набирал, приобретал. Это редчайший случай: русские поэты не умеют стареть. Сам процесс старения в нашей поэзии опробован, но не отработан.

Поздние впечатления определенно закрепили мое отношение к нему на шкале ценностей — в верхней ее точке. И мне очень жаль тех, кто пропустил последнее чтение Айги 17 января 2006 года в Чеховской библиотеке: в жизни любого человека события такого рода если и случаются, то крайне редко. Хотя читал он не много, а голос звучал слабее, чем обычно. Но это совсем не было важно.

Геннадий Николаевич очень изменился: похудел, побледнел. Но в этой почти бесплотности проступила основа «облика и склада»: какая-то перекрывающая все остальное ясность, *приветливость*. Даже не доброта, а что-то, по отношению к чему доброта — лишь частное проявление общего.

«Белое пело добро», — так, кажется, в его стихотворении про отца.

Похоже, что-то подобное происходило с его стихами, которые восходили от слов к чистому звучанию — к какому-то «белому звуку». А такое совмещение со своей поэтикой в ее верхнем регистре — лучшее, что может случиться с поэтом, и дается ему не только за талант и правильную жизнь, но и еще — за какие-то особые заслуги.

Михаил Айзенберг

НАЧАЛА ПОЛЯН

(Из ранних стихов. 1956–1959)

